

■ ЗЕМЛЯКИ

Рассказ о том, как Вилиор Иванов стихи Николая Рубцова правил

С Николаем Михайловичем Рубцовым я встречался много раз, работал в редакции за соседними столами неделями, бывал в командировках, в гостях и на отдыхе. Кажется, я знал о Рубцове всё: стиль его работы со стихами, черты его характера, пристрастия и даже вкусы. Я, например, знал, что у него взрывной характер, что его любимые цвета зелёный и тёмно-серый, какой музыке он отдаёт предпочтение, что он на дух не переносит хвастливость и высокомерие. Его музыкальные кумиры: Лист, Бетховен, Бах, Грич, Глинка и Мусоргский, Николай был в восторге от полонеза Огинского.

Как-то на очередной «продлёнке» (посиделки в вечернее время, которые так обожал Рубцов) мы засиделись до полуночи. Работалось удивительно легко и радостно. Рубцов был в ударе: всё ладилось, стихи лились, как из рога изобилия. Николай работал с удовольствием и даже что-то тихо напевал. Раньше за ним этого не наблюдал. У меня тоже всё ладилось, и я, не замечая, напевал мелодию, которую разучивал на баяне.

Вдруг Рубцов вскочил из-за стола и вплотную придвинулся ко мне:

- Ну-ка, ну-ка, что ты тут мурлыкаешь? - полюбопытствовал он.

- Да, так, мелодию на баяне разучиваю, вернее, мучаю.

- Полонез Огинского? Очень люблю эту изумительную вещь. Сыграть сможешь?

- Надо ещё подучиться, произведение очень сложное.

Я был изумлён, как он мог узнать мелодию? Ведь я пел тихо-тихо. У него был великолепный музыкальный слух.

- С каким удовольствием я бы сейчас послушал это произведение! - радостно сообщил Рубцов. - Молодец! Как я за тебя рад! Как-нибудь заскочу послушать полонез в твоём исполнении.

Не заскочил, не успел. Погиб поэт.

А вообще-то Николай Рубцов в определённом смысле был композитором. Он перекладывал свои стихи на музыку. Он прекрасно исполнял под аккомпанемент гитары песню «В горнице». Очень нравились Николаю песни «В горнице», «Морошка», «Север, Север». Я слышал их в записи на диске.

Валентин Лукошников (слева) и Николай Рубцов. Бабаево

Но вернёмся к заветной теме - Вилиору Иванову, правившему стихотворение Николая Рубцова «Шумит Катунь». Право, я об этом не знал до недавнего времени (а думал, что знаю Рубцова до седьмого колена!). А узнал я эту сенсационную для меня новость из книги Леонида Вересова «Поэт Н.М. Рубцов: жизнь и творчество» (стр. 156).

Оказывается, в апреле 1967 года (время написания стихотворения) Николай Рубцов доверил своему другу Вилиору Иванову правку стихотворения «Шумит Катунь».

Для меня это было шоком, в голове моей не укладывался этот феномен. Ведь в день написания (окончания) этого произведения мы с Николаем Матвеевым присутствовали и наблюдали, как Николай Рубцов дописывал последнее четверостишие.

Когда же происходила эта важная операция-правка? Мне до сих пор не верится, что такое могло произойти. Ведь я хорошо знал нрав Николая Рубцова: в «святой святых» - свою поэзию, он не допускал никого, даже самых лучших друзей. Я, по крайней мере, не наблюдал такого. Рубцов был настолько щепетилен и требователен к поэтическому процессу, что в это трудно поверить. Видимо, поэт поступился своими принципами!? Маловероятно. Но факт есть факт, правка была.

Думаю, это редчайшее событие произошло впервые и является скорее исключением из правил. Правка действительно была, но очень незначительная. Кардинально она ничего не изменила (в поэтическом смысле). Устранены некоторые орфографические огрехи. В ксерокопии стра-

ницы в четвертом четверостишии, в четвёртой строке вставлена пропущенная буква (В) в слове безмолвие. В конце страницы почерком Вилиора (чернилами) начертано: «чернилом вмешательство моё. Вил. Иванов». Ниже: «Рукопись стихотворения «Шумит Катунь».

Надо отметить, что за весь период моего общения с Николаем Рубцовым я ни разу не наблюдал, чтобы поэт правил черновик. Обычно на лист бумаги он выкладывал уже готовую, отшлифованную в голове строку. И тут Леонид Вересов меня снова удивляет, приводит яркий пример правки Рубцовым стихотворения «В минуты музыки печальной». Он своим примером сразил меня наповал.

Все мои «я знаю Рубцова хорошо» - летят в тартарары, и думаю поделом - плохо ещё я знаю Николая Рубцова. Век живи - век учишь, вот чему надо следовать в жизни. Но и переделывать произведение, хоть и очень талантливое, 5-6 раз - это много, но для Николая Рубцова это была норма, его поэтическая норма. Без этой нормы не было бы гениального поэта Николая Рубцова, поэта от Бога. И Леонид Вересов большой молодец, докопался-таки до истины. Большое спасибо ему за хорошую науку и замечательную книгу. Советую обязательно прочитать его интереснейший, аналитический, философский труд.

В завершение повествования ещё раз хочется сказать о нашем бабаевском поэте Вилиоре Андреевиче Иванове, осмелившемся править Николая Рубцова. Наверное, совсем не случайно Рубцов разрешил Вилиору вмешаться в свою поэзию. Николай Рубцов чувствовал и верил в талант друга. Слова Николая Рубцова: «Дорогому, талантливому Вилиору...» - дорогого стоят. Планка их поэтического творчества была настолько высока, что позволяла это сделать, друзья доверяли друг другу, понимали друг друга с полуслова; их поэтические натуры, как камертон, были настроены на одну волну. Часто их муза звучала в унисон, помогала им жить и творить, жить по совести, нести в народ Добро и Любовь.

Валентин Лукошников,
пенсионер, журналист